

TOTENTANZ

Увы мне, чадо мое, увы мне, свете мой.
Жизнь Вечная! Како умираеши?

Заказчик нужен. Социум нужен. Он дает какие-то толчки маленькие, какие-то импульсы начальные. Но вот Гойя себя не продал, при том, что он писал на заказ непрерывно. Портреты, портреты, натюморты, портреты. А потом как в пропасть упал – Disparates. Чистая страсть. На эти линии можно смотреть бесконечно, они завораживают.

Он был совсем уже стар, когда делал эту серию, и он работал над ней очень быстро. Он торопился успеть, потому что смерть могла оказаться проворней: он чувствовал ее холод в спине. Он жаждал сказать о том, что он понял про этот мир, он хотел уловить тот ветер, который уже уносил его самого.

Он оглох тогда уже полностью, и не видел толком ни хрена, но рука твердая была, и точная – в 80 лет. То, что что перед его внутренним взглядом возникало, постепенно становилось более реальным, чем все, что вокруг. Фантасмагории дикие, чернота, и пляска линий. Он рисовал свой бред.

Один в этой серии лист – старухи на ветках : сидят, как совы. И трут чего-то свое, внимательно. Они ему просто пригрезились, эти бабки, в бреду. А я такое в nursing home видела. В том доме витало ощущение, как в аэропорту. Как будто все собрались, и ждут чего-то, и уже немного не здесь. Как будто они отчасти уже улетели. И это не было тягостно, это было какое-то хорошее ожидание, легкое. Конечно, гойин бред мы не узнаем, но эти старухи его – они прикольные. Их рассматривать интересно. Потому что он жизнь любил, и это передается.